

В Е С Т Н И К ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

№ 3

2026

Том 26

Редакционный совет

Юрген БАЗЕДОВ

Беа ВЕРШРАЕГЕН

В.В. ВИТЯНСКИЙ

Г.А. ГАДЖИЕВ

А.Г. ДОЛГОВ

В. ЕМ

И.С. ЗЫКИН

А.С. КОМАРОВ

Хельмут КОЦИОЛЬ

П.В. КРАШЕНИННИКОВ

А.А. МАКОВСКИЙ (председатель)

А.Ю. МИХЕЕВА

А.А. НОВОСЕЛОВА

Е.А. СУХАНОВ

В.В. ЧУБАРОВ

В.Ф. ЯКОВЛЕВ

Главный редактор

Е.А. СУХАНОВ

Зам. главного редактора

А.Е. ШЕРСТОБИТОВ

С.В. ТРЕТЬЯКОВ

Ответственные редакторы

М.И. ЛУХМАНОВ

М.А. ПШЕНИЧНИКОВ

И.Р. АБДУЛЛИН

Редакционная коллегия

Е.В. ВЕРШИННИНА, А.В. ЕГОРОВ,

О.М. КОЗЫРЬ, А.Н. КУЧЕР,

А.А. МАКОВСКАЯ, Е.А. ПАВЛОВА,

С.В. САРБАШ, С.А. СИНИЦЫН,

Н.Б. ШЕРБАКОВ, Т.С. ЯЦЕНКО

ISSN 1992-2043

Отдел подписки: mvgp@mvgp.org

Журнал «Вестник гражданского права»
выходит три раза в полугодие,
зарегистрирован Федеральной службой
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Рег. № ФС77-25484 от 14 августа 2006 г.

Учредители:

В. ЕМ, А.А. Маковский, Е.А. Суханов

Издатель: ООО «Издательский дом В. Ема»
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2.
тел.: +7 (495) 649 18 06; www.mvgp.org

Перепечатка материалов из журнала
«Вестник гражданского права»
допускается только с согласия Издателя.
Ссылка на источник опубликования обязательна.

Издатель или Редакция не дают справок
и консультаций и не вступают в переписку.
Рукописи не возвращаются.
Учредитель, Издатель не несут ответственности
за содержание рекламы и объявлений.

Журнал «Вестник гражданского права»
включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата юридических наук.

Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации

CIVIL LAW

REVIEW

No. 3

2026
Vol. 26

Editorial Council

Jürgen BASEDOW
Bea VERSCHRAEGEN
V.V. VITRYANSKY
G.A. GADZHIEV
A.G. DOLGOV
V. EM

I.S. ZYKIN
A.S. KOMAROV
Helmut KOZIOL
P.V. KRASHENINNIKOV
A.L. MAKOVSKY (chairman)
L.Yu. MIKHEEVA
L.A. NOVOSELOVA
E.A. SUKHANOV
V.V. CHUBAROV
V.F. YAKOVLEV

Editor-in-Chief

E.A. SUKHANOV

Deputy Editors-in-Chief

A.E. SHERSTOBITOV
S.V. TRETYAKOV

Managing and Executive Editors

M.I. LUKHMANOV
M.A. PSHENICHNIKOV
I.R. ABDULLIN

Editorial Board

E.V. VERSHININA, A.V. EGOROV,
O.M. KOZYR, A.N. KUCHER,
A.A. MAKOVSKAYA, E.A. PAVLOVA,
S.V. SARBASH, S.A. SINITSYN,
N.B. SHCHERBAKOV, T.S. YATSENKO

ISSN 1992-2043

Subscription Dep.: mvgp@mvgp.org

Founders:

V. Em, A.L. Makovsky, E.A. Sukhanov

The *Civil Law Review* Journal
is being published three times
in a half of the Year.
The *Civil Law Review* is registered
by the Federal Service for supervision
of legislation in mass communications
and cultural heritage protection (Russia).
Reg. No. FS77-25484 of August 14, 2006.

Reprint and republication of all the materials
of the *Civil Law Review* Journal are allowed
only with the consent of the Publisher.
The appropriate reference to the source
of publication is obligatory.

The Publisher and the Editor's office do not
render information and consultations and
do not enter into correspondence. Manuscripts
are not being returned. The Founders and the
Publisher are not responsible for the content
of advertisements and announcements.

Publisher:
LLC «V. Em Publishing House»
119454, Moscow, Lobachevskogo St., 92,
Bldg. 2.
Phone: +7 (495) 649 18 06; www.mvvp.org

The *Civil Law Review* Journal is included
into the official governmental List of leading
peer-reviewed scientific periodicals (Russia).

Private Law Research Centre under the President
of the Russian Federation named after S.S. Alexeev

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ТРЕТЬЯКОВ
(1975–2026)

23 июня 2026 г. после продолжительной болезни ушел из жизни Сергей Васильевич Третьяков, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории и истории частного права и кафедры международного частного права РШЧП, заместитель главного редактора журнала «Вестник гражданского права». Уход этого яркого, талантливого, вдохновляющего человека стал невосполнимой утратой для его коллег и многочисленных учеников.

Сергей Васильевич родился 6 декабря 1975 г. в Москве. В 1998 г. окончил юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где с 1998 по 2001 г. обучался в аспирантуре на кафедре гражданско-

го права. В 2003 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Юридическая природа автономии воли в международном частном праве». Эта работа обозначила характерную черту его научного метода – стремление дойти до концептуальных оснований любого правового института.

С 2003 г. и до конца своей жизни Сергей Васильевич работал на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ, пройдя путь ассистента, доцента и профессора. За это время Сергей Васильевич преподавал более 15 учебных курсов, включая уникальные авторские курсы по проблемам теории гражданского права и международного частного права. Глубина знаний и неповторимая педагогическая манера Сергея Васильевича привлекали на его лекции восхищенных слушателей, среди которых множество действующих преподавателей кафедры. Лекции и семинары Сергея Васильевича пользовались неизменным успехом, аудитории на его занятиях постоянно переполнялись студентами самых разных групп, курсов и даже университетов. В этих занятиях было все: глубокие и уникальные знания, интенсивная дискуссия и всеобщая вовлеченность, потрясающее чувство юмора, открытость и честность в общении с аудиторией, искренняя доброта и безграничная любовь к студентам, которую Сергей Васильевич пронес через всю свою карьеру. Подготовка курсовых, дипломных и магистерских работ под его руководством считалась среди студентов настоящей честью и предполагала высокие требования. Под научным руководством Сергея Васильевича было защищено семь кандидатских диссертаций, ставших основными исследованиями в соответствующих сферах.

С.В. Третьяков – ведущий отечественный ученый в области гражданского права, автор более 50 научных работ по фундаментальным вопросам частного права, в том числе по истории и теории отечественного и зарубежного частного права, международного частного права. Научный талант Сергея Васильевича неповторим, его пример для российской юридической науки уникален. *Opus magnum* Сергея Васильевича – его докторская диссертация – посвящена такой фундаментальной и чрезвычайно сложной теме, как возникновение и эволюция категории субъективного частного права в зарубежной цивилистике. Сразу после публикации эта работа была по достоинству оценена ведущими специалистами и многочисленными читателями как крупнейший вклад в построение общей теории, универсального языка и синтаксиса частного права за много лет.

Особого упоминания заслуживает роль Сергея Васильевича в развитии журнала «Вестник гражданского права». Сергей Васильевич был одним из тех, кто стоял у истоков создания журнала в 2006 г., с первого номера став заместителем главного редактора Е.А. Суханова. Так, например, опубликованные при участии Сергея Васильевича переводы классических зарубежных работ Э. Зеккеля и П. Эртманна вместе с его вступительными поясняющими статьями давно стали частью обязательной учебной литературы для студентов при освоении курса гражданского права. На всем протяжении современной истории «Вестника

гражданского права» усилиями Сергея Васильевича издание наполнялось лучшими статьями, а его редакторская работа задавала высокую планку для всей цивилистической периодики. Он не просто участвовал в формировании содержания журнала – он устанавливал стандарт научной публикации, к которому стремились авторы и другие издания.

Несмотря на борьбу с тяжелой болезнью, в последние годы Сергей Васильевич активно занимался подготовкой большого исследования истории отечественной (и прежде всего советской) доктринальной разработки категории субъективного частного права. Некоторые результаты этой работы были опубликованы, в том числе вышли статьи с подробным анализом научного наследия таких великих отечественных ученых, как Д.Д. Гримм, М.М. Агарков, Д.М. Генкин, Н.Г. Александров, С.Н. Братусь, О.С. Иоффе. Одновременно Сергей Васильевич инициировал публикацию ранее не столь известных современному читателю, но не менее примечательных работ отечественных классиков, как, например, гл. XII «Правоотношение» из макета учебника по теории государства и права 1948 г. за авторством М.М. Агаркова. Только Сергей Васильевич был способен выполнить исследование такой глубины и такого масштаба.

Сергей Васильевич был решительным, сильным, но одновременно тонко чувствующим и участливым человеком, радевшим о своем деле, любившим своих учеников и ставшим признанным авторитетом для своих коллег. Без Сергея Васильевича невозможно представить тот уровень исследований, на который российская цивилистическая наука вышла в последние годы.

Коллеги и ученики навсегда запомнят Сергея Васильевича как человека твердых убеждений, бескомпромиссного в вопросах научной честности и при этом удивительно чуткого и неравнодушного. Он был для многих не просто руководителем или соавтором, а старшим товарищем и наставником, к которому шли за помощью и советом в самых сложных ситуациях. Его авторитет основывался не на должностях и регалиях, а на безупречной репутации ученого, никогда не поступавшегося своими принципами. Такие люди рождаются на свет редко, и тем тяжелее осознавать, что мы потеряли одного из них.

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО (ГРАЖДАНСКОГО) ПРАВА

ПОСЛЕДСТВИЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ИЗ РЕЕСТРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ^{*,**}

И.С. ЧУПРУНОВ,

кандидат юридических наук, доцент Российской школы частного права,
советник White Square Partners

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2026-26-3-10-47>

В статье анализируется, как исключение юридического лица из ЕГРЮЛ влияет на его правосубъектность и на судьбу имущества, не распределенного при ликвидации. Автор показывает, что введение п. 5.2 ст. 64 ГК РФ поставило под сомнение традиционный подход, согласно которому исключение из реестра всегда окончательно прекращает существование юридического лица и все его права и обязанности. В работе сопоставляются основные теоретические модели, сложившиеся в российской и континентальной правовой доктрине: декларативные теории, различные конститутивные теории, включая теорию сообщества участников и кредиторов, теорию простого товарищества, теорию бессубъектной массы, а также теория двойного состава. Автор последовательно оценивает достоинства и недостатки каждой из этих концепций с точки зрения их согласованности с действующим российским правом, судебной практикой и логикой ликвидационных процедур. В качестве наиболее непротиворечивого объяснения предлагается теория двойного состава, а в качестве близкой по практическим результатам альтернативы рассматривается теория бессубъектной массы.

Ключевые слова: ликвидация; правосубъектность; корпоративное право.

* Настоящее исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР 125031703809-9).

** Позиция, отраженная в настоящей статье, может не совпадать с позицией юридической фирмы White Square Partners.

CONSEQUENCES OF A LEGAL ENTITY'S REMOVAL
FROM THE REGISTER: THEORETICAL ASPECT

I.S. CHUPRUNOV,

PhD in Law, Associate Professor, Russian School of Private Law,
Counsel, White Square Partners

The article analyses how the removal of a legal entity from the Unified State Register of Legal Entities affects its legal personality and the fate of its property that was not distributed during liquidation. The author shows that the introduction of paragraph 5.2 of Article 64 of the Civil Code of the Russian Federation has cast doubt on the traditional approach under which removal from the register always definitively terminates the existence of the legal entity and all its rights and obligations. The article compares the main theoretical models developed in Russian and continental legal doctrine: declaratory theories, various constitutive theories, including the theory of the community of participants and creditors, the simple partnership theory, the theory of an ownerless estate, and the dual-fact theory. The author systematically assesses the advantages and disadvantages of each of these concepts in terms of their consistency with current Russian law, judicial practice, and the logic of liquidation procedures. The dual-fact theory is proposed as the least contradictory explanation, while the theory of an ownerless estate is considered as an alternative capable of producing similar practical results.

Keywords: liquidation; legal personality; corporate law.

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени отечественное право воспринимало в качестве аксиомы то, что исключение юридического лица из ЕГРЮЛ (далее – реестр) влечет утрату правосубъектности. Этот вывод логически следует из установленного в ГК правила, согласно которому «ликвидация юридического лица считается завершенной, а юридическое лицо – прекратившим существование после внесения сведений о его прекращении в единый государственный реестр юридических лиц» (в нынешней редакции Кодекса это п. 9 ст. 63). На прекращение юридического лица в результате исключения из реестра косвенно указывает и ст. 419 ГК: завершение ликвидации влечет прекращение обязательств, в которых юридическое лицо выступает в качестве кредитора или должника. Как следствие,

представители российской доктрины традиционно единодушно исходили из того, что погашение в реестре записи о юридическом лице обладает строго конститутивным эффектом: без такой записи юридического лица больше нет, а все его права и обязанности прекращаются ввиду невозможности их существования без субъекта.

Положение дел значительно изменилось после того, как в ходе большой реформы в ГК был включен п. 5.2 ст. 64, позволяющий при определенных обстоятельствах осуществлять распределение имущества юридического лица, обнаруженного после исключения записи из реестра. Закрепление в Кодексе данного правила привело к возникновению очевидного смыслового противоречия с п. 9 ст. 63 и ст. 419 ГК: если после погашения записи в реестре юридическое лицо, а вместе с ним все его права уже прекратили существование, то как впоследствии может происходить распределение таких прав? Какому субъекту должны считаться принадлежащими указанные права, если согласиться с тем, что юридическое лицо к тому моменту уже лишилось правосубъектности?

Возникшее напряжение между нормами Кодекса стало катализатором для критического переосмысления общей идеи о том, что исключение юридического лица из реестра по результатам ликвидации всегда влечет утрату им правосубъектности. Активизация дискуссии по данному вопросу в российской литературе¹ послужила поводом для того, чтобы, сфокусировавшись именно на нем, изложить в настоящей статье достоинства и недостатки каждой из основных теорий, объясняющих судьбу юридического лица при погашении записи о нем в реестре.

Как справедливо отмечает А.А. Кузнецов, момент прекращения существования юридического лица и судьба его активов являются «одним из самых трудных и запутанных аспектов ликвидации»². Однако при всем их многообразии существующие взгляды на то, что происходит с исключением юридического лица из реестра, можно подразделить на следующие группы:

(а) декларативные теории, исходящие из того, что погашение записи в реестре носит лишь декларативный характер, поскольку юридическое лицо прекращается вне зависимости от такой записи (разд. 1);

(б) конститутивные теории, основывающиеся на том, что исключение юридического лица из реестра всегда прекращает его правосубъектность (разд. 2); и

(в) теория двойного состава, утверждающая, что для прекращения юридического лица требуется одновременно погашение записи о нем в реестре и исчерпание его активов (разд. 3).

¹ См. главным образом: Кузнецов А.А. Ликвидация хозяйственных обществ: очерки концепции // Вестник гражданского права. 2025. № 6. С. 38–108; Чупрунов И.С. Влияние ликвидации юридического лица на его обязательства // Вопросы частного права: сб. ст. к 50-летию юбилею А.А. Павлова / сост. и отв. ред. А.Г. Карапетов, Т.А. Саргсян. М.: Статут, 2023. С. 7–119.

² См.: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 87.

В качестве предварительных замечаний следует обратить внимание на следующие три обстоятельства:

– для упрощения терминологии мы будем именовать процедуру, вводимую на основании п. 5.2 ст. 64 ГК, пост-ликвидационной (иначе говоря, процедурой дополнительной ликвидации), а имущество, обнаруженное после исключения юридического лица из реестра, – также пост-ликвидационным имуществом (активами или массой);

– вопрос о последствиях обнаружения активов, не распределенных до исключения юридического лица из реестра, должен обсуждаться отдельно от последствий обнаружения некоторых пассивов¹. Обнаружение неудовлетворенных притязаний кредиторов в отсутствие пост-ликвидационных активов само по себе не может служить основанием для введения пост-ликвидационной процедуры, а потому здесь в принципе не возникает вопроса о принадлежности «забытых» субъективных прав²; и

– современное российское право не проводит последовательного разграничения между пост-ликвидационной процедурой, вводимой на основании п. 5.2 ст. 64 ГК, и признанием недействительным исключения записи о юридическом лице из реестра как двумя потенциальными последствиями того, что предшествовавшая такому исключению процедура ликвидации не была полностью завершена и часть активов юридического лица не была распределена. Хотя в отечественной литературе иногда высказывается иное мнение по поводу соотношения двух указанных правовых механизмов³, представляется более обоснованным немецкий подход, состоящий в том, что признать недействительным исключение запи-

¹ Ср.: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 87 и сл. (автор анализирует одновременно проблемы, касающиеся как долгов, оставшихся непогашенными после исключения юридического лица из реестра, так и нераспределенного имущества, и, соответственно, оценивает конститутивную теорию и теорию двойного состава именно с точки зрения способности разрешить эти проблемы; между тем здесь происходит смешение понятий, поскольку, как будет показано далее, проблема непогашенных долгов подлежит разрешению за рамками (и без привязки к) какой-либо из указанных теорий).

² В поддержку см., например: *Berner K.* in: *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung*. Bd. 3: §§ 53–88 / Hrsg. von H. Fleischer, W. Goette. 5. Aufl. München: C.H. Beck, 2026. § 60. Rn. 43; *Bachner T.* in: *Münchener Kommentar zum Aktiengesetz*. Bd. 6: §§ 179–277 / Hrsg. von W. Goette, M. Habersack. 6. Aufl. München: C.H. Beck, 2025. § 273. Rn. 34.

Сказанное не исключает постановки вопроса о возможности получения кредиторами удовлетворения за счет ликвидационных квот, распределенных в пользу участников, или за счет предъявления требований к ликвидатору. Однако это самостоятельный вопрос, требующий обсуждения отдельно от теорий, объясняющих принадлежность пост-ликвидационных активов. Поэтому мы лишь кратко коснемся его при рассмотрении критики теории двойного состава (разд. 3). Подробный анализ см.: Чупрунов И.С. Отдельные проблемы ликвидации юридических лиц. Часть 2 // Вестник экономического правосудия РФ. 2026. № 7 (готовится к публикации).

³ См.: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 99, 102 (автор, судя по всему, исходит из того, что каждый из указанных механизмов может в равной степени претендовать на применение в обсуждаемой ситуации).

си можно только в тех случаях, когда в его основе лежат грубые процедурные нарушения (например, подача лицом, не имеющим полномочий), – в остальных случаях защита потенциально нарушенных прав участников и (или) кредиторов должна осуществляться исключительно в рамках пост-ликвидационной процедуры¹. Более подробное обсуждение данной проблемы, однако, выходит за рамки настоящей статьи.

1. Декларативные теории

Содержание. Все теории, которые можно причислить к декларативным, объединяет то, что они не признают за исключением из реестра записи о юридическом лице конstitutивного эффекта, а связывают прекращение юридического лица с возникновением некоторого иного юридического факта. В качестве такого юридического факта предлагают рассматривать, например, завершение процедуры ликвидации, фактически произошедшее исчерпание активов или прекращение деятельности юридического лица². Процедура ликвидации, следующая за уже свершившимся прекращением юридического лица, служит лишь распределению оставшихся активов, а исключение юридического лица из реестра по завершении этой процедуры обладает сугубо декларативным эффектом, т.е. только оглашает для оборота то, что уже свершилось ранее.

Достоинства. Пожалуй, в качестве единственного достоинства декларативных теорий (по крайней мере некоторых из них) можно назвать то, что, определяя, существует юридическое лицо или нет, они фокусируются не на формальном наличии записи в реестре, а учитывают реальное положение вещей, т.е. то, не исчерпаны ли активы юридического лица и не прекратило ли оно на самом деле свою деятельность.

Критика. Основной недостаток всех декларативных теорий является обратной стороной того, что выше было упомянуто в качестве достоинства некоторых из них. Признание за исключением юридического лица из реестра сугубо декларативного значения влечет значительную степень неопределенности для участников оборота относительно того, обладает ли юридическое лицо правосубъектностью³. Такая неопределенность становится критической, если прекращение юридического лица связывать с исчерпанием его активов или завершением его деятельности, поскольку состояние активов юридического лица, а равным образом объем его операций может со временем изменяться, а потому их отсутствие на опреде-

¹ См.: *Berner K.* Op. cit. § 60. Rn. 38–39.

² См. об этом, например: *Кузнецов А.А.* Указ. соч. С. 87–88. См. также: *Müller H.-F.* in: *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung.* Bd. 3: §§ 53–88 / Hrsg. von H. Fleischer, W. Goette. 5. Aufl. § 74. Rn. 29–30; *Bachner T.* Op. cit. § 273. Rn. 2, 26–27.

³ В поддержку см.: *Кузнецов А.А.* Указ. соч. С. 88.

ленный момент не всегда будет свидетельствовать о прекращении юридического лица – ситуация может легко измениться впоследствии (например, участники корпорации предоставят ей дополнительное финансирование и т.д.)¹.

Те направления декларативных теорий, которые считают юридическое лицо прекратившимся сразу после принятия решения о введении ликвидации, очевидным образом игнорируют тот факт, что указанное решение само по себе может не влечь никаких принципиальных изменений в правовых отношениях ни в рамках юридического лица (например, между участниками и корпорацией), ни с участием третьих лиц (например, в обязательственных отношениях с третьими лицами)².

Кроме того, представления, отстаиваемые сторонниками декларативных теорий, мало сочетаются с тем, что позитивное право обычно прямо связывает прекращение юридического лица с исключением записи из реестра (в России, как уже упоминалось, соответствующее правило прямо закреплено в п. 9 ст. 63 ГК).

Оценка. Хотя декларативные теории когда-то доминировали в ряде стран континентальной Европы³, на сегодняшний день они утратили какое-либо значение и представляют интерес только с исторической точки зрения. Общепринятым является мнение, согласно которому ни принятие решения о введении ликвидации, ни исчерпание активов сами по себе не способны влечь прекращение юридического лица. Отсутствие у декларативных теорий какой-либо значительной поддержки в отечественной литературе⁴ избавляет нас от необходимости анализировать их более подробно.

2. Конститутивные теории

Весьма распространенными как в России, так и, например, в Германии являются теории, наделяющие исключение записи о юридическом лице из реестра строго конститутивным эффектом. Все рассматриваемые ниже теории исходят из того, что юридическое лицо прекращает существовать в момент, когда запись о нем оказывается погашена, хотя бы даже не все имевшиеся у него активы были

¹ Кроме того, для многих организационно-правовых форм юридических лиц российский законодатель не вводит никаких требований о наличии обязательного объема активов. Соответственно, даже при отсутствии активов юридическое лицо вполне может продолжать успешно заниматься своей деятельностью, в том числе некоммерческой. Например, волонтеры фонда по защите окружающей среды могут продолжать организовывать мероприятия, направленные на повышение общественного внимания к соответствующим проблемам.

² В поддержку см.: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 104–105; Müller H.-F. Op. cit. § 74. Rn. 29–30.

³ См.: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 87–88; Müller H.-F. Op. cit. § 74. Rn. 29–30; Bachner T. Op. cit. § 273. Rn. 2.

⁴ В качестве редкого исключения см.: Мифтахутдинов Р.Т. Прекращение производства по делу о банкротстве ликвидируемого должника и теория персонифицированного имущества юридического лица // *Цивилистика*. 2023. № 2. С. 161–162.

использованы для удовлетворения требований кредиторов или были распределены в ходе процедуры ликвидации. Однако разные направления конститутивных теорий по-разному отвечают на вопрос о том, кому же принадлежат права на «забытые» активы, которые подлежат распределению в рамках предусмотренной законодательством пост-ликвидационной процедуры (п. 5.2 ст. 64 ГК; в Германии возможность проведения «дополнительной» ликвидации (*Nachtragsliquidation*) установлена в абз. 4 § 273 и абз. 2 § 264 *AktG*, а также в абз. 5 § 66 *GmbHG*). Можно выделить следующие основные подходы к решению данной проблемы:

- (i) «забытые» права переходят к сообществу участников юридического лица и кредиторов (разд. 2.1);
- (ii) «забытые» права становятся общим имуществом простого товарищества, состоящего из участников прекратившегося юридического лица (разд. 2.2);
- (iii) «забытые» права принадлежат особому «пост-юридическому лицу» (разд. 2.3); и
- (iv) «забытые» права образуют бессубъектную массу (разд. 2.4).

2.1. Теория сообщества участников и кредиторов

Содержание. В российской литературе хронологически первой попыткой объяснения того, кому принадлежат имущественные права, распределяемые после исключения юридического лица из реестра, стала выдвинутая А.Г. Карапетовым и Д.В. Новаком теория сообщества участников и кредиторов (далее также – теория сообщества). В соответствии с этим подходом погашение записи в реестре прекращает юридическое лицо, а все его имущественные права, способные к преемству, образуют некоторую имущественную массу, которая считается «перешедшей на абсолютном праве» сообществу участников и кредиторов¹. Впоследствии обнаруженное «забытое» имущество может быть распределено среди членов такого сообщества, которые обратились в суд на основании п. 5.2 ст. 64 ГК, притом в соответствии с определенной очередностью: сначала имущество отходит кредиторам, а затем – участникам как «субординированным» кредиторам юридического лица².

В основе такого объяснения, насколько можно судить, лежит попытка проведения аналогии между наследованием и ликвидацией. Исключение юридического лица из реестра рассматривается в качестве эквивалента смерти физического лица, а обращение с иском о распределении «забытого» имущества – в качестве аналогии принятия наследства одним из лиц, обладающих на то правом. Так же как после принятия наследства наследственное преемство происходит с ретроспективным эффектом в отношении всей наследственной массы, преемство в пост-ликвидационном имуществе случается ретроспективно после введе-

¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. С. 1479 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

² Там же. С. 1479–1480 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

ния пост-ликвидационной процедуры, притом только среди таких членов сообщества, которые решили участвовать в соответствующей процедуре¹.

Достоинства. Обсуждаемый подход, как и иные разновидности конститутивных теорий, обладает следующими достоинствами:

– он обеспечивает максимальную правовую определенность относительно момента прекращения юридического лица: участникам оборота достаточно заглянуть в реестр, чтобы удостовериться в том, обладает ли юридическое лицо правосубъектностью²; и

– рассматриваемые взгляды хорошо сочетаются с теми нормами ГК, согласно которым при исключении юридического лица из реестра оно утрачивает правосубъектность (п. 9 ст. 63), а его обязательства прекращаются (ст. 419). По мысли А.Г. Карапетова и Д.В. Новака, погашение записи о юридическом лице ведет к тому, что его долги прекращаются, а кредиторы приобретают долю в «праве собственности» на пост-ликвидационную массу³.

Кроме того, авторы полагают, что достоинством их теории (например, в сравнении с теорией бессубъектной массы – разд. 2.3) является то, что она проясняет вопрос, от чьего имени арбитражный управляющий, назначаемый в порядке п. 5.2 ст. 64 ГК, действует в рамках пост-ликвидационной процедуры. Если обнаруженное пост-ликвидационное имущество принадлежит сообществу участников и кредиторов, то именно от имени этого сообщества арбитражный управляющий будет, например, взыскивать вновь обнаруженные долги⁴.

Критика. Теория сообщества обладает значительным числом нестыковок и недостатков, основными из которых являются следующие.

Ошибочность аналогии с наследственным правом. Ошибочным является выстраивание аналогий между наследственным преемством и преемством при ликвидации: если в первом случае мы имеем дело с универсальным преемством (которое притом неизбежно случится ввиду наличия государства в качестве наследника последней очереди – ст. 1151 ГК), то во втором – универсальное преемство, наоборот, отсутствует, на что недвусмысленно указывается в п. 1 ст. 61 ГК⁵. Пост-ликвидационная же процедура, вводимая на основании п. 5.2 ст. 64 ГК, всегда каса-

¹ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1480–1481 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

² Об этом достоинстве конститутивных теорий см.: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 95.

³ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1481 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак) («...требования кредиторов [исключенной из реестра] организации прекращаются, вместо этого у них появляется право вступить в права на имущество этой организации, запустив процедуру его распределения по п. 5.2 ст. 64 ГК РФ»).

⁴ Там же. С. 1481 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

⁵ См.: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 98 («...правила об универсальном правопреемстве, взятые из наследования, являются неуместным инструментом для ситуации ликвидации»).

ется *конкретных* вновь обнаруженных имущественных прав, а не всей совокупности имущества, которое «забыто» в рамках процедуры ликвидации. Как следствие, пост-ликвидационная процедура может вводиться столько раз, сколько раз будет обнаруживаться некоторое «забытое» имущество, а распределение имущества среди кредиторов и участников в рамках каждой из этих процедур будет влечь только *сингулярное* правопреемство. Вполне мыслимо, что некоторое «забытое» имущество, входящее в пост-ликвидационную массу, в принципе так и не будет найдено никогда (или по крайней мере до истечения пятилетнего срока, установленного в п. 5.2 ст. 64 ГК), вследствие чего в отношении него правопреемство в принципе не осуществится. Это показывает принципиальные различия между тем, как права переходят при наследовании и при ликвидации.

При этом, даже если аналогия с наследственным правом допустима, теория сообщества не проводит ее с достаточной степенью последовательности. Во-первых, смерть наследодателя влечет лишь открытие наследства, а не автоматическое преемство в правах и обязанностях в пользу наследников – наследники приобретают в этот момент лишь право принять наследство¹. Соответственно, предположение А.Г. Карапетова и Д.В. Новака, согласно которому в момент исключения юридического лица из реестра к сообществу участников и кредиторов переходят все права такого лица², в реальности не может быть признано основанным на аналогии с наследственным правом³. Во-вторых, что более важно, невозможно объяснить, почему в состав упомянутого «сообщества» могут входить одновременно и участники, и кредиторы, тогда как при наследовании преемниками наследодателя являются только наследники⁴. Судя по всему, такое

¹ См., например: *Серебровский В.И.* Очерки советского наследственного права / *Серебровский В.И.* Избранные труды. М.: Статут, 1997. С. 169, 179–181; *Черепяхин Б.Б.* Правопреемство по советскому гражданскому праву / *Черепяхин Б.Б.* Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 422; *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права / *Шершеневич Г.Ф.* Избранное. Т. 5. М.: Статут, 2017. С. 769–770; *Миронов И.Б.* К вопросу о периоде бессубъектности наследственного имущества. Совершенствование механизма перехода прав на наследственное имущество // Актуальные вопросы наследственного права: сборник научных трудов / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016; Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу V: Наследственное право / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013 (СПС «КонсультантПлюс»). П. 11 комментария к ст. 1152 (автор комментария – Б.М. Гонгалов); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2011 (СПС «КонсультантПлюс»). П. 1 комментария к ст. 1154 (автор комментария – Е.Н. Абрамова).

² Как уже отмечалось выше, авторы порой утверждают даже, что сообщество получает некое абсолютное право (или право собственности) на обнаруженное пост-ликвидационное имущество. Вероятно, они используют указанную терминологию не совсем в обыкновенном значении (или же исходят из допустимости существования концепции «право на право»).

³ Критику см. также: *Чупрунов И.С.* Влияние ликвидации юридического лица на его обязательства. С. 77–78.

⁴ А.А. Кузнецов, обсуждая теорию сообщества, обращает внимание на неясность «ни оснований, ни природы такого сообщества, а главное – смысла такой квалификации, поскольку с точки зре-

построение теории сообщества направлено на то, чтобы объяснить, почему п. 5.2 ст. 64 ГК дает право требовать введения пост-ликвидационных процедур любому заинтересованному лицу, включая и участников, и кредиторов. Однако это не слишком помогает понять, как пост-ликвидационная масса (в отличие от наследственной) может оказаться «очищенной» от долгов, а кредиторы – стать участниками того сообщества, которое затем сможет участвовать в распределении такой массы.

Фиксация требования кредитора в денежной сумме на момент ликвидации. А.Г. Карапетов и Д.В. Новак исходят из того, что размер требования каждого кредитора оказывается зафиксирован в момент исключения записи о юридическом лице из реестра, поскольку именно в этот момент формируется сообщество и определяются доли в нем¹. Однако такое решение, способное существенно сказаться на положении кредитора, представляется исключительно спорным². Сложно понять, почему погашение записи о юридическом лице должно лишать кредитора права на проценты, которые в противном случае должны были бы начисляться по их требованиям за весь период до получения исполнения, или, например, права получить в натуре причитающееся ему по договору имущество, сохранившееся в пост-ликвидационной массе. Еще более трудно объяснить, как такое замораживание соотносится с тем, что уже после исключения юридического лица из реестра мыслимо возникновение новых кредиторов, имеющих право на удовлетворение из пост-ликвидационной массы (например, из причинения вреда окружающей среде, вызванного ненадлежащим содержанием объекта недвижимости, «забытого» в ходе ликвидации). Наконец, неясно, что происходит, например, с правами арендаторов нераспределенных вещей: прекращаются эти права, в результате чего арендаторы входят в состав сообщества, или, поскольку соответствующая правовая позиция «обременяет» право собственности, они сохраняются и будут связывать нового собственника, который, предположим, купит вещь с торгов в ходе пост-ликвидационной процедуры? Все указанные проблемы напрямую связаны с тем, что рассматриваемая теория заменяет принадлежащее каждому кредитору право требования (а, вернее, договорную позицию) на неопределенное право участия в «пост-ликвидационном сообществе».

ния позитивного права сообщество подразумевает право принимать решения собраний, которые будут обязательны для всех членов сообщества, чего в данном случае быть не может, так как участники и кредиторы обладают разным объемом прав в отношении обнаруженного имущества» (см.: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 100).

¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1481 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак).

² Критику см. также: Чупрунов И.С. Влияние ликвидации юридического лица на его обязательства. С. 79–81.

Отступление от общих правил о ликвидации. А.Г. Карапетов и Д.В. Новак полагают, что претендовать на распределение пост-ликвидационного имущества могут только такие участники и кредиторы, которые присоединились к судебному процессу¹. По-видимому, авторы и здесь пытаются выстроить аналогию с наследованием: пост-ликвидационная масса распределяется только среди тех, кто изъявил желание участвовать в таком распределении (так же как наследственная масса переходит только к тем наследникам, кто принял наследство).

Здесь проявляется еще одна сложность, связанная с отнесением кредиторов к числу участников «пост-ликвидационного сообщества»: совершенно неясно, что должно происходить в том случае, когда обнаруженное имущество значительно превосходит размер требований кредиторов, обратившихся за введением пост-ликвидационной процедуры. Крайне трудно понять, кому теория сообщества предлагает направлять образующийся остаток, если никто из участников к указанной процедуре не присоединился.

Что более важно, рассматриваемый подход, отсекающий от участия в распределении тех, кто не обратился в суд, не соответствует общему принципу ликвидации, в соответствии с которым имущество юридического лица идет на погашение требований *всех* кредиторов, а далее распределяется среди *всех* участников (с учетом специально предусмотренных в законе очередностей). Пункт 5.2 ст. 64 ГК не дает никаких оснований полагать, что возможен какой-либо отход от этого принципа, поскольку процедура пост-ликвидационного распределения имущества проводится *по правилам о ликвидации* (абз. 3). Как следствие, вопреки предположению А.Г. Карапетова и Д.В. Новака, распределение вновь обнаруженного имущества на основании п. 5.2 ст. 64 ГК не может осуществляться исключительно в интересах тех заявителей, которые обратились в суд. Невозможность предпочтения указанных интересов полностью согласуется с практикой ВС РФ, который последовательно исходит из того, что введение пост-ликвидационной процедуры на основании п. 5.2 ст. 64 ГК направлено на возобновление и обеспечение надлежащего проведения ликвидации².

Неприменимость к некорпоративным образованиям. Крайне сложно объяснить, оставаясь в рамках теории сообщества, к кому переходит имущество, оставшееся после погашения в реестре записи о некорпоративном юридическом лице. Так, у фонда, исключенного из реестра, нет никаких участников,

¹ См.: Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1479–1480 (авторы комментария к ст. 419 – А.Г. Карапетов, Д.В. Новак) («Те, кто не присоединятся к этой процедуре, будут считаться отказавшимися от вступления в это сообщество, и тогда следует считать, что этот отказ также действует ретроактивно, т.е. такие лица никогда не вступали в абсолютные права на соответствующие активы»).

² См.: определения СКЭС ВС РФ от 5 августа 2025 г. № 307-ЭС25-2804, от 24 сентября 2024 г. № 305-ЭС24-8465, от 22 августа 2024 г. № 305-ЭС24-6717, от 15 августа 2024 г. № 305-ЭС24-8216 и от 7 ноября 2023 г. № 301-ЭС23-12467.

а также могут отсутствовать какие-либо кредиторы (в силу специфики деятельности некоммерческих организаций). Совершенно неясно, кто будет входить в состав сообщества, к которому перейдут права на «забытое» имущество в момент исключения фонда из реестра. Соответственно, теория сообщества участников и кредиторов оказывается неспособна дать универсальный ответ на вопрос о последствиях исключения юридического лица.

Оценка. Отдавая должное творческому характеру теории, разработанной А.Г. Карапетовым и Д.В. Новаком, нельзя не отметить, что нам неизвестно о существовании сколь-либо сходных взглядов в иных правовых порядках. Хотя предпринятая учеными попытка объяснить механизм действия п. 5.2 ст. 64 ГК не лишена остроумия, ее обоснование в рамках действующего законодательства, а также реализация (с учетом многочисленных недостатков) представляются крайне затруднительными¹.

2.2. Теория простого товарищества

Содержание. Теория простого товарищества, симпатию к которой в российской литературе высказывает прежде всего А.А. Кузнецов, исходит из того, что прекращение корпорации ведет к автоматическому переходу всех прав и обязанностей к ее участникам². Эта теория основывается на представлении, что в основе любой корпорации лежит товарищество, а потому с утратой оболочки юридического лица, происходящей в момент погашения записи в реестре, соответствующее товарищество продолжает существовать, но теперь уже без соответствующей ширмы³. В рамках обсуждаемого подхода введение пост-ликвидационной процедуры на основании п. 5.2 ст. 64 ГК если и требуется вообще, то только кредиторам, поскольку участники автоматически приобретают всю пост-ликвидационную массу в момент исключения записи о нем из реестра. Это позволяет А.А. Кузнецову утверждать, что теория простого товарищества оказывается весьма простой и экономичной в практической реализации: участники в принципе лишены необходимости предпринимать какие-либо шаги для распределения пост-ликвидационного имущества⁴.

Обсуждаемая российская теория весьма созвучна следующему объяснению дополнительной ликвидационной процедуры (*Nachtragsliquidation*), имеющему некоторую поддержку в немецкой доктрине: исключение AG или GmbH из реестра влечет переход всех его прав в состав общего имущества (*Gesamthand*) акционеров (участников), образующих в результате некоторое особое объедине-

¹ Критику данной теории см. также: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 100; Чупрунов И.С. Влияние ликвидации юридического лица на его обязательства. С. 74–82.

² См.: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 100–101.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 98.

ние (*Gesamthandsgesellschaft*)¹. Насколько можно судить, в Испании имущество, остающееся нераспределенным, также с момента исключения юридического лица из реестра попадает в общую собственность участников (хотя и подлежит распределению впоследствии с учетом правил о ликвидации)².

Достоинства. Теория простого товарищества обладает общими достоинствами, свойственными всем конститутивным теориям: она обеспечивает правовую определенность в вопросе прекращения юридического лица³ и в максимальной степени согласуется с п. 9 ст. 63 ГК, который в качестве момента такого прекращения называет исключение записи из реестра.

Кроме того, рассматриваемая теория может вызывать симпатии с той точки зрения, что в ее основе лежит вполне справедливый взгляд на юридическое лицо как на особую форму товарищеских отношений. Прекращение юридического лица лишь снимает соответствующую оболочку с товарищеских отношений, но не отменяет их существования.

Поскольку в рамках теории простого товарищества введение пост-ликвидационной процедуры на основании п. 5.2 ст. 64 ГК может потребоваться только кредиторам, но не участникам, последние оказываются освобождены от необходимости нести сопутствующие временные и денежные затраты, а также риска не успеть уложиться в пятилетний срок на возбуждение пост-ликвидации. Кроме того, в рамках обсуждаемой теории наиболее логичным является полный отказ от правил о пост-ликвидационной процедуре: раз все нераспределенное имущество переходит к участникам, кредиторы будут иметь право

¹ О данных взглядах см., например: *Müller H.-F.* Op. cit. § 74. Rn. 31; *Bachner T.* Op. cit. § 273. Rn. 32.

² См. об этом: *Кузнецов А.А.* Указ. соч. С. 97.

³ Там же. С. 95.

Впрочем, здесь можно обнаружить некоторую противоречивость между позицией А.А. Кузнецова о том, что введение процедуры ликвидации не должно никак сказываться на юридическом лице (см.: *Кузнецов А.А.* Указ. соч. С. 104–105), и его взглядом, согласно которому запись об исключении юридического лица из реестра обладает строго конститутивным эффектом (Там же. С. 95–99, 102–104). Ведь и при введении ликвидации, и при ее завершении, не сопровождающемся полным распределением активов, правовая ситуация крайне сходна: и в том, и в другом случае дела юридического лица полностью не завершены.

Ученый пытается обосновать разницу между введением процедуры ликвидации и погашением записи в реестре тем, что (а) при погашении записи «воля участников действительно направлена непосредственно на прекращение юридического лица в отличие от ситуации, когда участники решают только начать ликвидацию» (Там же. С. 90); (б) к моменту исключения корпорации из реестра «бизнес уже продан (распределен между участниками) целиком или по частям, а ведение прежней деятельности прекращено» (Там же); (в) «внесение записи о прекращении юридического лица производится после проведения обязательной ликвидационной процедуры» (Там же. С. 90–91).

Между тем убедительность такого разграничения может вызывать сомнения, которые становятся особенно значительными применительно к случаям, когда исключение юридического лица произошло в так называемом административном порядке (ст. 64.2 ГК) или в ином случае без проведения полноценной процедуры ликвидации.

обращаться к ним с прямыми исками в пределах распределенного ликвидационного остатка¹.

Наконец, теория простого товарищества лишена ряда свойственных теории сообщества (разд. 2.1) недостатков, вытекающих из не до конца последовательной попытки распространить идеи наследственного права на сферу ликвидации.

Критика. В то же время теория простого товарищества имеет ряд противоречий, которые едва ли позволяют использовать ее в качестве базового объяснения того, каким эффектом обладает исключение юридического лица из реестра.

Отсутствие универсального правопреемства. Теория простого товарищества основывается на том, что погашение записи о корпорации влечет за собой переход всех ее прав и обязанностей к участникам. Однако, как уже отмечалось, российское позитивное право исходит из обратного: ликвидация (в отличие от некоторых форм реорганизации) не сопровождается универсальным правопреемством (п. 1 ст. 61 ГК).

Кроме того, теория простого товарищества, настаивая на том, что участникам не требуется введение пост-ликвидационной процедуры, вынуждена чрезвычайно узко толковать понятие заинтересованного лица, наделяемого в соответствии с п. 5.2 ст. 64 ГК правом ввести такую процедуру: фактически такими лицами признаются лишь кредиторы корпорации. Однако подобный подход может обсуждаться лишь *de lege ferenda*, поскольку существующая судебная практика однозначно не рассматривает участников в качестве тех, кто приобретает все права и обязанности корпорации в силу одного лишь исключения записи о ней из реестра. Во-первых, Пленум ВС РФ исходит из того, что не только кредиторы, но и участники не могут сами реализовывать права требования, оставшиеся «забытыми» в ходе процедуры ликвидации: как тем, так и другим требуется введение процедуры пост-ликвидации на основании п. 5.2 ст. 64 ГК². Во-вторых, СКЭС ВС РФ также неоднократно рассматривала споры, касающиеся распределения пост-ликвидационного имущества по иску участника корпорации, и ни разу не высказывала никаких соображений насчет отсутствия у него необходимости обращаться с таким иском в суд³.

Невозможность применения правил о простом товариществе без значительных изъятий. Несмотря на известную изящность идеи, согласно которой пост-ликвидационная масса принадлежит входящим в простое товарищество участникам, в реальности к отношениям между ними не могут быть применены без оговорок фактически никакие правила о простом товариществе.

¹ См.: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 95–96 (среди достоинств строго конститутивной теории автор перечисляет отсутствие издержек на восстановление юридического лица и возможность прямого взыскания кредиторами с участников по непогашенным долгам).

² Абзац 3 п. 41 постановления Пленума ВС РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств».

³ См., например: определение СКЭС ВС РФ от 13 июля 2021 г. № 301-ЭС20-5843.

Во-первых, очевидное напряжение возникает при любой попытке применить к отношениям между участниками юридического лица, исключенного из реестра, правила о солидарной ответственности по долгам общего дела (п. 2 ст. 1047 ГК).

Если бы участники после ликвидации действительно образовывали обыкновенное простое товарищество, то они должны были бы без ограничений солидарно отвечать по долгам, оставшимся непогашенными в ходе ликвидации¹. Представим, что в состав пост-ликвидационной массы входит 1 млн руб. нераспределенных активов, в обществе было два участника, а также имелся кредитор с требованием на 200 млн руб. Если исключение юридического лица из реестра влечет попадание пост-ликвидационной массы в состав общего имущества товарищества, то в соответствии с п. 2 ст. 1047 ГК товарищи будут нести солидарную ответственность по всем соответствующим долгам в полном объеме, т.е. кредитор сможет предъявить к каждому из двух участников требование на все 200 млн руб., хотя такое требование и превышает размер активов, входящих в пост-ликвидационную массу.

Более того, товарищи-участники должны будут солидарно отвечать всем своим имуществом по любым новым долгам общего дела, которые могут возникать после исключения юридического лица. Например, они окажутся солидарными должниками по любым деликтам (предположим, ввиду уже упоминавшегося загрязнения окружающей среды в силу ненадлежащего содержания опасного объекта недвижимости); по долгам из новых договоров, которые могут быть заключены для целей ликвидации; по накопившимся процентам по старым обязательствам и т.д.

Очевидно, что применение правила о солидарной ответственности товарищей по обязательствам общего дела (п. 2 ст. 1047 ГК) крайне негативно сказывалось бы на участниках корпорации, поскольку лишало бы их «корпоративно-го щита» в виде ограниченной ответственности, притом вне зависимости от того, по какой именно причине соответствующее имущество оказалось нераспределенным в ходе процедур ликвидации (или банкротства)².

А.А. Кузнецов предлагает следующее решение обсуждаемой проблемы: «Наличие ограничения ответственности участников перед старыми кредиторами, возникшими в период существования общества, размером полученной ликвидационной квоты вполне может быть объяснено прямой законодательной нормой, которая, напомним, гласит, что участники не отвечают по долгам компании иначе как стоимостью своей доли (акций) (ср. п. 1 ст. 87 и п. 1 ст. 96 ГК РФ), которая и подлежит выплате в качестве ликвидационной квоты»³. Однако, как нетрудно

¹ Данный критический аргумент выдвигается и в немецкой литературе в отношении теории *Gesamthandsgesellschaft* (см.: *Berner K.* Op. cit. § 60. Rn. 34, 40).

² По-видимому, любое нераспределение некоторого имущества в рамках банкротной ликвидации было бы чревато тем, что участники становились бы солидарными должниками в отношении всех не погашенных до исключения из реестра требований кредиторов.

³ См.: Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 100–101.